

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

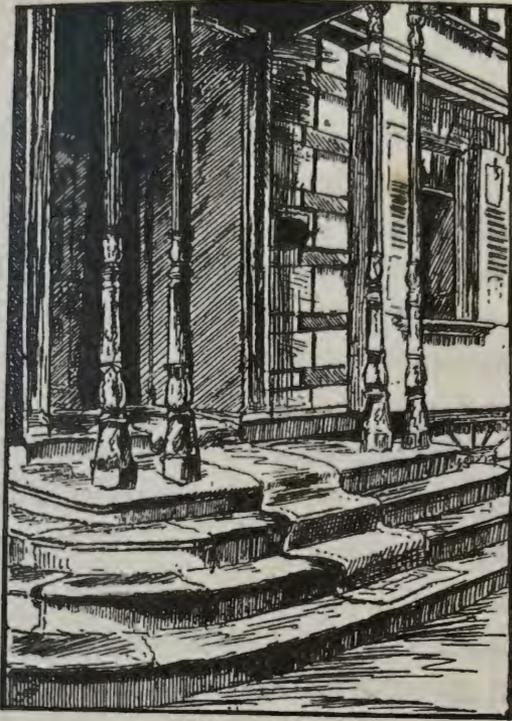
Leopold

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. Чеховъ въ разные годы своей жизни.

Villa „Friderika“ въ Баденвейлерѣ, гдѣ жилъ А. П. Чеховъ передъ смертю.

Кончина и похороны А. П. Чехова.

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами. Ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я помногу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ эмфиземы и слабость отъ худобы, пріобрѣтенной мною за время болѣзни“. Это выдержка изъ письма А. П. Чехова, полученнаго редакціей „Русскихъ Вѣдомостей“ за 3 недѣли до смерти писателя. Такая же надежда и бодрость звучитъ и въ письмѣ, писанномъ уже во второй половинѣ іюня одному изъ товарищей, — въ немъ Чеховъ сообщаетъ, что одинъ недугъ онъ уже поборолъ „и нужно теперь воевать съ другимъ, еще бѣльшимъ — дѣвнью“...

Но недугъ не дремалъ: обманывая больного и всѣхъ его окружающихъ, онъ въ то же время разрушалъ организмъ, спасеніе было невозможно.

А вначалѣ, тотчасъ по прїѣздѣ въ Баденвейлеръ, Антонъ Павловичъ и вправду почувствовалъ себя какъ будто лучше, но потомъ опять начало падать питаніе, понизился вѣсъ тѣла, наступило сильное расстройство кишечника... Мечты о путешествіи по Италіи, о возвращеніи въ Ялту черезъ Константинополь, о посѣщеніи Новаго Аэона, все, о чемъ говорилъ Чеховъ въ первые дни по прїѣздѣ въ Баденвейлеръ, всѣ его планы — такъ и остались планами. Уже на второй недѣлѣ пребыванія Антона Павловича здѣсь, стали проявляться у него безпокойство и торопливость, приходилось часто мѣнять мѣсто, переѣзжать изъ комнаты въ комнату.

Изъ виллы „Frederike“ переѣхали въ „Hôtel Sommer“, здѣсь и остались. Почти ежедневно Антонъ Павловичъ выѣзжалъ кататься въ лѣсъ. Такъ проходили дни до послѣдней недѣли.

„Антонъ Павловичъ производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ, рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ жизни Чехова Г. Б. Юллось въ письмѣ къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“. Д-ръ Швѣреръ, превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ и больной спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ

грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сердце льда не кладутъ“. „Зналъ ли онъ раньше, что умираеть? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминають о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда Ольга Леонардовна спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: „Да знаешь, на всякій случай“...

„Послѣднія его слова были: „Умираю“, и затѣмъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: „Ich scherbe“.. Пульсъ становился все тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,—и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась“.

Такъ умиралъ и умеръ Чеховъ, умеръ на разсвѣтѣ, когда все спало въ маленькомъ курортѣ. Нѣжная утренняя заря разливалась надъ лѣсомъ, птицы уже проснулись, въ окно заглядывали вѣтки липы...

„Никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ“... Да, никто не думалъ. Всѣ, видѣвшіе А. П. въ его послѣдній пріѣздъ въ Москву, видѣвшіе его на представленіи „Вишневаго сада“ въ Худож. театрѣ, провожавшіе его на вокзалъ при отъѣздѣ, не могли допустить той мысли, что больше не увидятъ любимаго писателя... Правда, онъ выглядѣлъ усталымъ, похудѣвшимъ, но все это не предсказывало еще того конца, который совершился въ Баденвейлерѣ.

Скончался А. П. около 3-хъ часовъ ночи. Въ видѣ особой любезности хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе корридоры вынесли въ часовню, гдѣ оно и оставалось до отхода поѣзда въ Россію. Много обита-

телей курорта русскихъ и иностранцевъ явилось отдать послѣдній долгъ умершему писателю, за короткое время всѣ успѣли узнать **Антонъ Павловича**. Газетчики, извозчики, дѣти—всѣ знали **Чехова**, знали и любили его...

Въ 6 ч. 30 м. утра 5-го іюля гробъ съ тѣломъ А. П. Чехова былъ доставленъ изъ Баденвейлера на станцію въ Мюльгеймъ. Гробъ сопровождали вдова покойнаго, Г. Б. Юллось и два московскихъ студента.

Траурный поѣздъ направлялся черезъ Вержболово въ Петербургъ. Во всѣхъ большихъ и малыхъ университетскихъ городахъ Германіи на вокзалахъ ожидали группы—главнымъ образомъ учащейся за-границей русской молодежи, возлагали вѣнки, засыпали гробъ цвѣтами и со слезами провожали печальный поѣздъ.

Въ Берлинѣ случилась досадная ошибка: около 200 человѣкъ русскихъ ждали прибытія тѣла на перронѣ Ангальтскаго вокзала, а траурный поѣздъ былъ направленъ на Силезскій вокзалъ, гдѣ его встрѣтили только лишь причтъ посольской церкви, оффиціальные представители и ихъ знакомые—всего 15—20 человѣкъ. Посольство и консульство — отсутствовали.

Къ отбытію поѣзда (11 ч. 18 м. н.) удалось собраться всей русской колоніи: профессора, командированные за-границу, приватъ-доценты, студенты, студентки и рабочіе. Студенческая депутація возложила вѣнокъ съ надписью на лентѣ: „Отъ русскихъ берлинскихъ студентовъ—А. П. Чехову“, были вѣнки: „отъ русскихъ, командированныхъ за-границу“, отъ посла, отъ „почитателей“.

Въ Дармштатѣ русскіе студенты возложили на гробъ пальмовый вѣнокъ.

Траурный поѣздъ приближался къ границѣ, и въ это время Франкфуртская, Берлинская, Вѣнская печать посвящали покойному теплые некрологи, выражали чувства печали по случаю утраты, понесенной литературой всего культурнаго міра.

„Вмѣстѣ съ Россіей, говорилъ Э. Геберъ на страницахъ „Berl. Tageb.“, безвременную кончину Чехова будетъ оплакивать и вся культурная Европа, весьма вы-

соко цѣнившая беллетристическій талантъ покойнаго, и въ частности нѣмецкая читающая публика, у которой молодые русскіе беллетристы пользуются огромнымъ успѣхомъ“.

И дѣйствительно, кончину Чехова оплакивали всюду: Изъ Лейпцига, изъ Вѣны, изъ Гапсаля, изъ Карлсбада—сообщали о панихидахъ по скончавшемся писателѣ, въ Парижѣ былъ образованъ особый комитетъ по чествованію памяти А. П., во главѣ котораго сталъ проф. И. И. Мечниковъ.

А поѣздъ бѣжалъ уже по Россіи. Первая встрѣча останковъ Чехова на русской территоріи была въ Вильнѣ и далеко не пышною была эта встрѣча.

Редакторъ, нѣсколько сотрудинокъ „Виленскаго Вѣстника“ и нѣсколько любопытствующихъ — вотъ и всѣ, присутствовавшіе на перронѣ. Эта встрѣча была какъ бы предисловіемъ къ тому, что случилось въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ поѣздъ прибылъ въ 8 ч. 30 м. утра пасмурнаго холоднаго дня 8-го іюля.

Ранній ли часъ прибытія траурнаго поѣзда, хмурое ли небо съ надвигавшейся грозой послужили причиной почти полнаго отсутствія представителей литературнаго и журнальнаго міра, или просто невѣденіе о днѣ и часѣ прибытія въ Петербургъ праха,—во всякомъ случаѣ въ Петербургѣ встрѣтили тѣло А. П. Чехова — всего лишь нѣсколько хроникеровъ, да небольшая кучка студентовъ и курсистокъ.

На вдову покойнаго все это произвело подавляющее впечатлѣніе, со слезами на глазахъ просила она скорѣй въ Москву, какъ будто чувствуя, что Москва иначе встрѣтитъ, иначе отнесется къ великому горю...

Репортеры утѣшали Ольгу Леонардовну и сообщали по телефону и телеграфу въ редакціи газетъ и журналовъ, извѣщали представителей литературныхъ обществъ, искали священника, чтобы отслужить литію. Первая литія была отслужена въ присутствіи 15—20 человѣкъ и только ко второй, начавшейся въ 1 ч. д. явились уже: А. С. Суворинъ, Трахтенбергъ, Венгеровъ, Острогорскій,

Розановъ, Билибинъ и др. Были возложены вѣнки: отъ Литературнаго фонда, отъ Петербургскаго Общественнаго управленія, отъ редакціи газеты „Русь“ — „А. П. Чехову. Человѣчество страстно ищетъ и, конечно, найдетъ“, отъ фонда драматич. писателей, отъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Далѣе послѣдоваль новый сюрпризъ: думали, что поѣздъ отбудетъ въ Москву въ 8 ч. 45 м., но оказалось, что со скорыми поѣздами нельзя перевозить покойниковъ и поэтому гробъ будетъ отправленъ съ почтовымъ въ 3 часа дня.

Многіе желающіе не попали къ отходу поѣзда, но все же собралось человѣкъ 200. Была отслужена 3-я послѣдняя панихида, на которой свящ. о. Алексѣй Солововъ сказалъ краткое слово. „Не нужно льда... не поможетъ онъ пустому сердцу“, — вотъ слова покойнаго, говорилъ о. Алексѣй, указывающія, какъ хорошо понималъ онъ, что земное его существованіе скоро прервется...

Онъ мысленно уже переносится въ другой міръ... въ тотъ міръ, съ проповѣдью идеаловъ котораго была неразрывно связана вся его литературная дѣятельность... Да простятся тебѣ, рабе Божій Антоній, вся твоя прегрѣшенія“.

Яркій солнечный день и громадная толпа народа встрѣтили тѣло А. П. Чехова въ Москвѣ.

На Николаевскомъ вокзалѣ. Въ ожиданіи поѣзда съ тѣломъ А. П. Чехова.

Массы учащейся молодежи, представители ученаго и литературнаго міра, артисты... Мало того: „здѣсь въ этой огромной толпѣ, рассказывалъ одинъ корреспондентъ, мы замѣтили скромнаго, бѣднаго труженика, полувыхсохшаго въ пыли душныхъ архивовъ регистратора, старенькаго экзекутора одного изъ общественныхъ учрежденій столицы, который казалось бы никогда, кромѣ „входящихъ“ и „исходящихъ“ ничего не читывалъ“ ...

Огромный талантъ Чехова захватилъ широкіе слои общества.

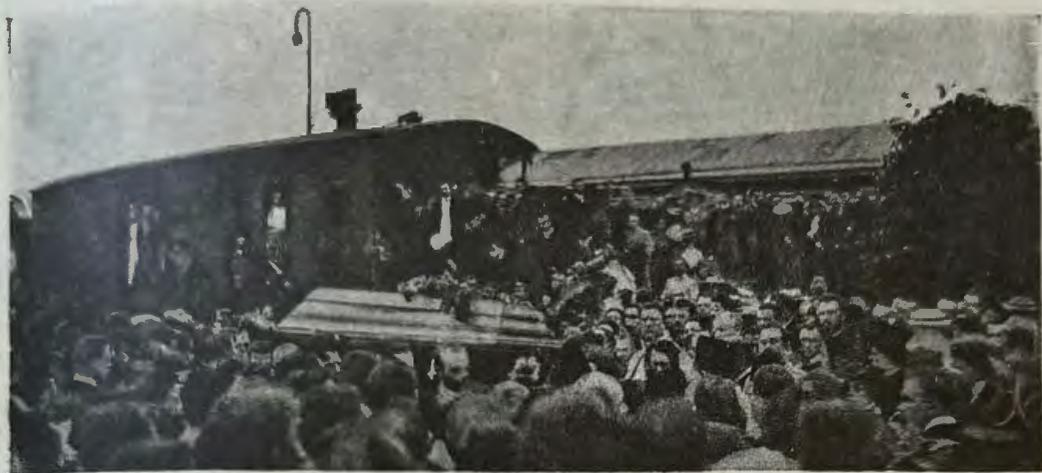
Къ 7½ часамъ подошелъ поѣздъ. Студенты-„Петровцы“ вынесли на рукахъ дубовый съ серебряными украшеніями гробъ и такъ и понесли его, въ колесницѣ не оказалось надобности. Когда шествіе тронулось, на гробъ Чехова посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, — послѣдняя дань любимому писателю...

Литія передъ вагономъ съ гробомъ А. П. Чехова.

Отъ Николаевскаго вокзала траурный кортежъ направился черезъ Рождественскій бульваръ, Мясницкую улицу, къ Художественному театру—„Его“ театру,—здѣсь ждала цѣлая толпа народа, среди которой были Златовратскій, художн. Коровинъ, Шаляпинъ... У театра от-

служена была литія и рабочіе Художеств. театра возложили на гробъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Выносъ изъ вагона гроба съ тѣломъ А. П. Чехова.

Въ Газетномъ пер. гробъ съ тѣломъ Антона Павловича встрѣтили его родные: сестра Марья Павловна, братъ Иванъ Павловичъ и матушка Евгенія Яковлевна. Всѣ они пріѣхали въ Москву утромъ въ 9 час. и не могли попасть на Николаевскій вокзалъ, отправились въ редакцію „Русской Мысли“, чтобы ожидать тамъ, но не могли дожидаться и, несмотря на страшную усталость, пошли на встрѣчу:

Мимо университета черезъ Ваганьковскій переулокъ, мимо редакціи „Русской Мысли“, гдѣ гробъ встрѣтили литераторы: Соболевскій, Южинъ, Гиляровскій, артисты Худож. театра Лужскій и Качаловъ, направились къ Новодѣвичьему монастырю, гдѣ рядомъ съ отцомъ и недалеко отъ могилы Плещеева, была приготовлена могила и для А. П. Чехова.

На Дѣвичьемъ полѣ, возлѣ памятника Пирогову, какъ разъ противъ той клиники, гдѣ въ 1896 году лежалъ А. П., когда у него первый разъ пошла горломъ кровь, отслужили послѣднюю литію.

Выносъ съ вокзала гроба съ тѣломъ А. П. Чехова.

У монастыря поджидала цѣлая группа писателей, артистовъ, товарищей покойнаго. Тутъ были: Садовскій, Коршъ, Ладыженскій, Муромцевъ, Россолимо, д-ръ Блюменталь, свящ. Г. Петровъ, Трахтенбергъ, М. Горькій.

Громадная толпа не могла вмѣститься на небольшомъ монастырскомъ кладбищѣ.

Выходъ похоронной процессіи изъ ограды Николаевского вокзала.

Начало процессіи на Кузнецкомъ Мосту.

Гробъ, усыпанный цвѣтами, приблизился къ мѣсту, гдѣ темѣла могила... Начали пѣть панихиду.

Прекрасные печальные мотивы панихиды такъ гармонировали съ той болью, которая налегла на всѣхъ присутствовавшихъ, не было фарисейства, не было ничего показного—всѣ пришли потому, что любили покойнаго писателя и хотѣли проститься съ нимъ—бездыханнымъ.

Солнце заливало золотомъ старинныя стѣны монастыря, зелень деревьевъ, холмики съ простыми крестами и богатые памятники, „надгробное рыданіе“ разносилось по тихому до сихъ поръ кладбищу.

И хотѣлось вѣрить, что здѣсь память объ такъ рано ушедшемъ писателѣ будетъ дѣйствительно „вѣчной“...

Рѣчей не говорили, такъ хотѣлъ Чеховъ.

Подъ массой вѣнковъ совершенно спряталась скромная могилка, больше 120 было ихъ и на лентахъ иныхъ стояли такія трогательныя красивыя надписи...

Въ Кузнецкомъ переулкѣ, на пути къ Художественному театру.

Передъ Художественнымъ театромъ.

Въ Ваганьковскомъ переулкѣ передъ редакціей „Русская Мысль“.

«Онъ жилъ въ сумеркахъ, а думалъ о томъ времени, быть можетъ уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлою и радостною, какъ тихое весеннее утро», писали студенты-Петровцы, «Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ» Антону Павловичу Чехову, далекому-близкому, отъ редакціи к-ва «Грифъ».

«Нѣжной скорбной памяти вдохновеннаго учителя и друга. Московскій Художественный театръ въ безпредѣльномъ горѣ». «На могилу такихъ писателей, какъ ты, вѣнокъ долженъ возложить каждый читатель. Прими же эту посильную дань, съ благоговѣніемъ приносимую къ подножію твоего послѣдняго упокоенія!

Отъ А. Г. Чернявскаго, Тифлисъ».

А на другой день (10-го) къ-мъ-то былъ положенъ на могилу небольшой букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Къ букету была приколото бумажка съ надписью карандашомъ:

На Волхонкѣ.

«Отъ печальной, бѣдной красками русской дѣйствительности талантливѣйшему выразителю ея. Не блещетъ красотой этотъ букетъ, но онъ взятъ отъ неприкрашенной, нетронутой культурой жизни, а какъ въ фактѣ жизни въ немъ найдется идея».

И съ того самаго дня, какъ въ газетахъ появилась первая телеграмма о томъ, что «Антонъ Павловичъ Чеховъ скончался 2-го іюля, въ 3 ч. ночи въ курортѣ Баденвейлеръ, въ Шварцвальдѣ», и долгое время спустя послѣ похоронъ редакціями «Русской Мысли» и «Русскихъ Вѣдомостей» получались телеграммы и письма съ выраженіями соболѣзнованія по случаю тяжелой утраты.

Писали изъ-за границы, писали со всѣхъ концовъ Россіи: изъ Одессы, Таганрога, Ялты, Херсона, Житомира, Кременчуга, Бѣлы, Златоуста, Сморгони, съ театра войны... Писали «двѣ сестры» — «Не стало родного Чехова, который такъ хорошо понималъ и такъ го-

рячо пожалѣль насъ», писали цѣлыя группы (отъ кружка интеллигентовъ изъ Рязани, кружокъ интеллиг. изъ Ставрополя), редакціи газетъ, общественныя учрежденія, бібліотеки, кружокъ писателей (Л. Андреевъ, Скиталець, Гусевъ-Оренбургскій, Елпатыевскій и Карышевъ), телеграфировали изъ Ялты, А. Амфитеатровъ изъ Вологды отъ имени группы Вологжанъ.

Въ ожиданіи процессіи передъ храмомъ Новодѣвичьяго монастыря.

Л. Н. Толстой отозвался слѣдующей телеграммой: «искренно огорчаюсь смертью милаго А. П. Чехова и незамѣнимой въ русской литературѣ утратой».

Повсемѣстно въ провинціи устраивали вечера, спектакли, посвященные памяти А. П. Чехова.

Одинъ изъ такихъ вечеровъ—въ Эссентукахъ, устроенный арт. худож. театра А. Л. Вишневымъ — товарищемъ А. П. по гимназіи, для образованія фонда на учрежденіе въ новомъ зданіи санаторія комнатъ им. Чехова, далъ сбора около 1500 руб.

Вступленіе процессіи въ ограду Новодѣвичьяго монастыря.

У могилы А. П. Чехова.

Въ Ялтѣ былъ устроенъ вечеръ съ участіемъ писателей: Л. Андреева, Скитальца, Гусева-Оренбургскаго, Елпатьевскаго.

И въ то время, какъ по всей Россіи чествовали память только что скончавшагося писателя, въ Москвѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, можно было наблюдать непрерывное паломничество къ могилѣ А. П. Чехова. И долго еще было такъ. Непрерывно приходили и уходили, кучками и по-одиночкѣ и почти всѣ приносили цвѣты. Яркіе и душистые—розы, лиліи, орхидеи и скромные полевые цвѣты. И отъ этихъ мало-замѣтныхъ букетиковъ полевыхъ цвѣтовъ казалось шель легкой почти неуловимый запахъ полей и степи... Той самой широкой, безкрайной степи, среди которой выросъ и которую такъ любилъ усопшій писатель.

Могила А. П. Чехова.